ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕСТВА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

© 2024 А. В. Репринцев

доктор педагогических наук, профессор
e-mail: reprintsev@mail.ru

Курский государственный университет

Автор статьи анализирует современные проблемы социокультурного развития подростков и юношества, формирования их этнической идентичности в условиях становления «информационного общества», значительно возросшего влияния информационной среды и социальных сетей на освоение входящими в жизнь поколениями детей и молодежи ценностей и нормативов национальной культуры. Автор отмечает целый ряд тревожных тенденций, ведущих к глубинным изменениям в традиционном менталитете, системе жизненных ценностей этноса, нарастание потребительских установок, рост социального эгоизма, разрушение механизмов вертикальной трансмиссии, существенно обедняющих жизненный опыт молодежи, деструкцию традиционной морали. В поле зрения автора оказались система экзистенциальных ценностей подростков и молодежи, влияние информационной среды, процесс формирования традиционных, этнотипичных качеств личности, содержание и характер межпоколенческих связей. В статье содержатся результаты исследований автора, отражающих результаты формирования этнической идентичности юных граждан России в контексте становления информационного общества.

Ключевые слова: социальная педагогика, социальная психология, социальное воспитание, этническая социализация, личность и социальная среда, этнокультурная идентичность личности, риски и противоречия социализации, информационное общество, социальные сети, поколение Z.

FORMATION OF ETHNIC IDENTITY OF ADOLESCENTS AND YOUTH IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE INFORMATION SOCIETY

© 2024 A. V. Reprintsev

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
e-mail: reprintsev@mail.ru

Kursk State University

The author of the article analyzes modern problems of the sociocultural development of adolescents and youth, the formation of their ethnic identity in the conditions of the emergence of the “information society”, the significantly increased influence of the information environment and social networks on the development of values and standards of national culture by generations of children and youth entering life. The author notes a number of alarming trends leading to profound changes in the traditional mentality, the system of life values of the ethnic group, the growth of consumer attitudes, the growth of social egoism, the destruction of vertical transmission mechanisms that significantly impoverish the life experience of young people, and the destruction of traditional morality. The author's field of view included the system of existential values of adolescents and youth, the influence of the information environment, the process of formation of traditional, ethnotypical personality traits, the content and nature of intergenerational connections. The article contains the results of the author's research, reflecting the results of the formation of the ethnic identity of young citizens of Russia in the context of the formation of the information society.

Keywords: social pedagogy, social psychology, social education, ethnic socialization, personality and social environment, ethnocultural identity of the individual, risks and contradictions of socialization, information society, social networks, generation Z.

Активное внимание современных педагогов и психологов к вопросам влияния информатизации социальной реальности на отношение входящих в жизнь поколений к ценностям и нормам национальной культуры, истории и традициям своего народа обусловлено сложностями и противоречивостью адаптации к изменившимся условиям бытия человека, в котором значительно выросло влияние агентов информационной среды, социальных сетей, отрывают человека от сложившихся связей, родства со своей культурой и своим народом. Некоторые мыслители уже поместили человека в «глобальную деревню» [18], в которой все прежние социальные связи, все традиционные механизмы наследования ценностей и нормативов культуры перестают работать, а на «арену жизни» выходят социальные сети, искусственный интеллект, информационные ресурсы, задающие не только ребенку, но и взрослому человеку «нужную» систему координат, в которых все меньше остается человеческого, все меньше своего, русского, но все больше оказывается глобального, «универсального», «общечеловеческого» [5]. В «глобальной деревне» Маршалла Маклюэна не остается места для этнических культур, все локальные культуры вытесняются универсальной информационной средой, а все социальные (человеческие!) контакты заменяются жизнью в сети. Так, постепенно, человек оказывается в искусственной и очень условной «цифровой реальности», в которой все меньше остается подлинного, истинного, настоящего, человеческого. Маклюэн принудительно отправляет все человечество в эту виртуальную «деревню», в которой, по сути, предельно минимизирована субъектность человека, а социальный мир оказывается подменен его «цифровым суррогатом» [17]. Самых жителей «глобальной деревни» Маклюэн называет «электронными людьми», для которых коммуникация в сети оказывается жизненно необходима, ибо основного способа социальной коммуникации для жителя «глобальной деревни» уже не существует. Общение в сети, виртуализация социальных отношений становится всеобщим, «общечеловеческим» трендом. И все производные таких «отношений» – дружба, любовь, сострадание, сотрудничество и т.д. – становятся такими же виртуальными, как и человеческая жизнь. Нельзя сказать, что погружение человека в этот мир «глобальной деревни» лишено давления, определенной степени насилия, но, видя то, что «типично для всех», любой человек воспринимает происходящее как некую «социальную норму», подчиняясь общей логике жизни «единой большой семьи» в «глобальной деревне» [24]. Новая реальность начинает формировать новые стандарты «нормальности» [14].

«Глобальная деревня» стремительно вытесняет локальные этнические культуры, перекраивая человеческий мир по лекалам «самой цивилизованной», «защитающей ценности демократии» по всей планете страны. Это продвижение «демократических ценностей» порождает кризис культуры в традиционных обществах, которые теряют свою самобытность, встраиваются в логику «универсальной», глобальной культуры, подчиня ей образ жизни людей и общественную мораль [4; 6; 7]. Судьбы этносов, попытавшихся сохранить свои этнические культуры и не стать адептами «глобальной деревни», оказались печальными: многие из этих стран в полной мере ощутили способы продвижения «демократий» с помощью ковровых бомбардировок и свержения неугодных правительств (Чили, Югославия, Ирак, Ливия, Афганистан). Народы этих государств на себе испытали все последствия сопротивления интересам Запада. Следствием продвижения глобализации стали мощные миграционные процессы из стран Ближнего Востока и Северной Африки в «благополучные» государства Европы; обнищание народов, рост бедности, снижение уровня жизни, увеличение смертности, перспективы голода, дефицит продуктов питания и пресной воды – эти угрозы XXI в. предстают вполне вероятными, превращая жизнь людей в борьбу

за ресурсы, за выживание. В этой борьбе этнический фактор играет существенную роль.

Как утверждают футурологи, человечество ждет «мрачное будущее»; исследователи предрекают утрату многих локальных культур под влиянием глобализации, обострение межнациональных, межцивилизационных отношений [48]. О нарастании кризиса цивилизаций в последние годы много пишут философы, иллюстрируя тревожные прогнозы разрастанием напряженности и непрекращающимися столкновениями на Балканах, Ближнем Востоке, в Северной и Центральной Африке, Афганистане [4; 6; 7]. Вспыхнувший в октябре 2023 г. палестино-израильский конфликт всколыхнул весь мир, увидевший опасность геноцида арабского населения сектора Газа, извечное противостояние Израиля со всем арабским миром. Такие конфликты все чаще носят откровенно межнациональный характер, сопряжены с этническими и религиозными противоречиями, а их следствием неизбежно становятся масштабные потоки мигрантов, вынужденных бросать свое жилье и искать мира и счастья на чужбине. Сепаратизм, расовая и религиозная нетерпимость, многовековая вражда, переходящая в откровенную ненависть, накопившиеся обиды – все это извечные спутники этнических переселенцев, вынужденных покидать родные места и искать приют в благополучных и богатых странах. Этнические конфликты порождают не только вражду отдельных этносов, но и устойчивый интерес людей к этническим корням, к национальной истории, к осмыслению истоков сложившихся противоречий [8; 9]. А это закономерно ведет к усилению стремления подростков и молодежи закрепить свою этнокультурную принадлежность, подчеркнуть свое этническое происхождение, сохранить уникальность и неповторимость культуры своего этноса [28; 29]. Россия, вероятно, миновала опасный этап «парада суверенитетов», стремления отдельных этносов к обособлению и автономии; полиэтничное российское общество давно обрело опыт мирного сосуществования, сплоченного, солидарного бытия в едином и неделимом Русском мире, ставшем действительно уникальным содружеством «больших» и «малых» народов, для которых российская идентичность стала вполне естественной нормой [12; 13; 38; 39]. Именно это обстоятельство позволяет называть себя русским представителям любых народов, населяющих Россию.

Анализ современных публикаций, посвященных социальным и психолого-педагогическим проблемам формирования этнокультурной идентичности подрастающего поколения, показывает, что большинство исследователей едины в понимании того, что целостность государства, его единство может быть обеспечено через многообразие культур этносов и интерпретировано как единство в многообразии, как взаимообогащение и взаимодействие культур и народов, порождающее интегративную модель культуры для всего полиэтничного общества [41; 42]. Такая интеграция отдельных этносов в единую, целостную культуру строится на общем для всех этносов основании – едином языке, единой исторической судьбе, обеспечивающих монолитность государства, а вместе с единством языка – этнокультурную идентичность людей, их сплоченность в единый народ [43; 44; 45]. По сути, отсюда рождается важная политическая реальность – гражданская идентичность населения страны, его морально-психологическое и ценностно-смысловое единство, проявляющееся в общем понимании моральных норм, в переживании каждым человеком своей личной ответственности за судьбу страны, в проявлении истинного патриотизма и гражданственности [10; 11]. Как подчеркивает В.А. Тишков, сплоченность этноса, его историческое и культурное единство служит основанием для сохранения суверенитета страны, ее целостности, ее экономической и политической независимости [45]. Значит, миссия системы образования

и социального воспитания детей и молодежи состоит в целенаправленном формировании гражданской и этнокультурной идентичности подрастающего поколения, воспроизводстве национального самосознания всего народа. От решения этой важной государственной задачи зависит сохранение России как государства, как целостной, исторически сложившейся этнической общности – российского народа. Всякая попытка «раскачать» ситуацию, вовлечь молодежь в деструктивные сообщества экстремистского, националистического толка представляет собой реальную угрозу государству, его целостности, его политической и экономической устойчивости [51]. Нарастание рисков и угроз эскалации межэтнических конфликтов происходит на фоне усиления социальной стратификации в обществе, болезненного переживания подростками и молодежью социального неравенства, снижения качества жизни существенной части общества. Все эти явления усиливают кризис идентичности, порождают множество сомнений в сознании подростков и юношества, дезориентируют юных граждан в выборе базовых, экзистенциальных ценностей социального бытия [35; 36; 37].

Осознание личностью своей принадлежности к этносу происходит не сразу, не одномоментно – это постепенный, длительный процесс, с которым приходит не просто формальное понимание этнокультурной идентичности, но и глубокие чувства, связанные с нею, переживание своего «пуповинного родства» с этносом и национальной культурой [25; 26; 27]. Современные исследователи подчеркивают сопряженность процессов социализации и формирования идентичности, обретения индивидом собственного Я, осознания собственной принадлежности к конкретному этносу и принятия целого комплекса социальных функций, норм, регламентирующих поведение личности в социальной среде, ее готовность нести ответственность за конкретные поступки и их социальные последствия. На этом фоне личность закономерно приходит к осознанию своей сопряженности с этносом, необходимости солидарного социального бытия, внутренней причастности к делам и заботам общества. Идентичность тесно связана с внутренним ощущением принадлежности личности к референтной среде, осознанием соответствия собственного поведения ожиданиям и нормам референтной общности [38; 39]. Именно эта сопряженность позволила Э. Эриксону охарактеризовать отличия в понимании групповой идентичности и эго-идентичности. Эриксон считал, что групповая идентичность формируется за счет включенности личности в реальную социальную среду, обретения на этой основе внутреннего ощущения собственной тождественности, соответствия личности окружающим людям, их моделям поведения, принятым способам коммуникации и самореализации в системе социальных отношений. На фоне социальной идентичности, одновременно с ее формированием, происходит формирование эго-идентичности, обретение собственного Я, осознание уникальности, собственной индивидуальности личности. Формирование социальной идентичности и эго-идентичности оказывается возможным лишь в процессе социализации индивида, включения его в систему социальных отношений с референтной для него средой. Только в этом случае результатом социализации станут принятые в конкретной этнической общности ценности и нормы, способы взаимодействия, модели поведения и отношений. Закономерным результатом такой социализации оказывается добровольное принятие личностью целей и ценностей социального бытия, сложившихся в общности традиций и норм, предписываемых члену сообщества модели социально-одобряемого поведения. Принимая систему ценностей и норм, сложившихся в культуре конкретного этноса, личность становится субъектом собственной жизни, автором своей социальной и профессиональной судьбы [50]. Обретение всего комплекса этих важных для судьбы каждого человека личностных качеств происходит в подростковом и раннем

юношеском возрасте, когда, как отмечал Б.Г. Ананьев, оформляется характер молодого человека, закрепляются и апробируются личностные качества социально зрелого гражданина [1].

Характеризуя социальную ситуацию развития современных подростков и юношества, Д.И. Фельдштейн дальновидно предупреждал о тревожных тенденциях в изменении «ментальности, ценностных ориентаций, знаковых изменениях в когнитивной и эмоционально-личностной сферах детей, сопровождающихся, в частности, присвоением чуждых нашей культуре образцов поведения, актуализацией потребительства, ростом равнодушия в отношениях, и, что очень тревожно, объективно и субъективно нарастающей психологической отчужденности взрослых от мира детства, порождающей опасность деструктивирования всей системы культурно-исторического наследования» [46]. За последние два десятилетия эти тенденции сохранились, стали еще заметнее. Д.И. Фельдштейн определяет целый ряд факторов, оказывающих влияние на все эти изменения в подрастающем поколении. Среди них психолог называет «во-первых, маркетизацию, этику рынка, усиливающую ориентацию детей на потребление, а также адопцию, отрывающую ребенка от культурных традиций общества и его истории; во-вторых, маргинализацию, то есть неравный доступ к образовательным ресурсам в мегаполисе и провинции, рост девиаций, стремление родителей ограничивать активность и самостоятельность ребенка» [47]. Д.И. Фельдштейн показал существенные изменения в системе ценностных ориентаций подростков и юношества, их динамику на фоне последних нескольких десятилетий; обозначил нарастание прагматических установок в сознании молодежи; снижение личностной значимости целого ряда социально-нравственных ценностей [47].

В социальной ситуации развития современных подростков и юношества Г.В. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова отмечают целый ряд новых явлений, выражающих общий вектор развития поколения «цифровой эпохи» [31]. Авторы фундаментального исследования сразу подчеркивают: в современной реальности уже не осталось ни одной сферы, не связанной с информационной средой, ставшей органичным и незаменимым элементом образа жизни современного человека. «Новый цифровой образ жизни определяется множеством реальных и виртуальных миров, в которых живут сегодня и взрослые, и дети. Эти миры уже давно сосуществуют в жизненном человеческом пространстве, и в последние десятилетия их взаимодействие обсуждается наиболее активно в связи с развитием современных инфокоммуникационных технологий» [31, с. 10]. Информационная среда, пространство Интернета, социальные сети стали для современных подростков и юношества вполне обычной, привычной средой, без которой молодые люди уже не мыслят свое существование. Современный человек живет в условиях новой культуры – «реальной виртуальности» (М. Кастельс), которая «становится повседневной частью нового образа жизни человека в информационном обществе».

Действительно, современные подростки практически «живут в сети», умело пользуются гаджетами, быстро находят любую важную для них информацию, легко вступают в новые контакты, свободно общаются в социальных сетях, используя своеобразный «язык общения» и обилие символов, выражающих эмоциональное состояние, оценочные реакции, отношение к информации. Виртуальный мир уже оказывает влияние на мир реальный – мир реальных людей, их поведение, предпочтения, эмоции, настроение. Грядущее вторжение в жизнь современного поколения искусственного интеллекта и дополненной реальности самым серьезным образом окажет влияние на образ жизни людей, их поведение. «Наши дети и молодежь не просто идут в фарватере этого процесса, в недалеком будущем они – его главные действующие лица – те, кто завтра будут прокладывать центральный курс развития

человечества. Сегодняшние подростки и молодые люди – это те поколения, которые пока еще успевают следовать за темпами развития технологий. В контексте исследований влияния информационно-коммуникационных технологий на человека особое значение приобретает методология межпоколенческого подхода» [31, с. 12]. А это уже ситуация, которая отражает глубокие изменения в механизмах и способах наследования культуры, ретрансляции социокультурного опыта входящим в жизнь поколениям молодежи. Сегодня исследователи относят к «цифровому поколению» более трети всего населения России. Это молодые люди, родившиеся в конце XX в. и в XXI в. «Представители цифрового поколения – старшие Z и младшие Y – выросли в среде, насыщенной цифровыми устройствами, практически интуитивно учились владеть цифровыми инструментами – компьютерами, электронными устройствами, мобильными гаджетами, осваивать социальные сети и другие виртуальные миры и онлайн-контексты киберпространства. Именно в нем они сегодня проводят значительную часть своей жизни» [Там же]. Исследователи подчеркивают: информационная среда воспринимается подростками не как «набор технологий», не как некая «виртуальная реальность» – это уже «полноценная часть их повседневной жизни. Подростки уже давно живут на два мира – реальный и цифровой. В сфере информационных технологий изменения в 3–4 раза интенсивнее, чем в любой другой сфере. Исходя из прогнозов футурологов, можно предположить, что ребенок, который пошел в первый класс в 2017 г., поступив в институт, будет жить уже в мире Интернета вещей, а в возрасте 30–35 лет – в эпоху нейронета и оцифровки сознания человека» [31, с. 18].

Влияние информационной среды уже существенно изменяет традиционные механизмы наследования национальной культуры, содержание и организацию процесса этнической социализации детей и молодежи [40]. Сам «диалог поколений» изменяет не только свои привычные формы, но ценностно-смысловое содержание, результаты взаимодействия «отцов и детей». Об этих изменениях убедительно и обоснованно пишут Г.В. Солдатов и Е.И. Рассказова [30]. Понятно, что такая модель отношений детей и родителей, подростков и взрослых создает особую социальную ситуацию развития, в которой содержание и характер личностного становления юных граждан России приобретает непредсказуемый характер. Современная информационная среда резко меняет суть и результаты социального взаимодействия, трансформирует принципы и нормы взаимоотношений между людьми. «Решение специфических задач, которые ставит ребенку вовлекающая его информационно-коммуникационная среда, оказывает влияние на содержание его психического развития – формы и пути развития, зону ближайшего развития, виды деятельности, приобретаемые ребенком новые психические свойства и качества, способы совладания с трудными жизненными ситуациями. Это определяет противоречие со старой ситуацией развития, приводит к слому прежних и построению новых отношений с социальной средой, а следовательно, к новой социальной ситуации развития. В свою очередь, такие изменения становятся важным компонентом возрастных кризисов развития» [31, с. 19]. Информационная среда де-факто уже стала более влиятельным, референтным для подростков «субъектом» социализации, всего социально-нравственного развития молодежи, формирования этнокультурной идентичности молодого поколения. Психологи уже говорят о «цифровом детстве как развивающемся культурно-психологическом феномене особого исторического типа детства» [Там же, с. 10–11].

Социальное становление подростков и юношества сегодня происходит с участием (если не доминированием) информационной среды. Значительный объем базовых представлений, поведенческих установок, способов коммуникации, сведений о национальной истории и культуре подростки получают из Интернета и социальных

сетей – через эти источники информации юные граждане получают знания и опыт, которые служат основой в строительстве своей собственной судьбы, жизненных планов, отношения к другим людям, в понимании своего собственного предназначения в жизни. Это и есть то, что уже получило название «цифровой социализации». Психологи подчеркивают: «Интернет – это уже привычное для человечества культурное орудие, способствующее порождению новых форм деятельности, культурных практик, феноменов, мотивов, значений и смыслов, которые в сложном взаимодействии с традиционной жизнедеятельностью в офлайне создают новый образ жизни современного ребенка. В результате когнитивное и личностное развитие ребенка может происходить в какой-то другой форме, подчиняться иной логике, давать на выходе другой по сути результат в сравнении, например, с тем, к чему стремится традиционное обучение» [31, с. 23]. Есть и закономерные результаты «цифровой социализации» подростков и юношества: изменения в когнитивной сфере (в базовых социальных представлениях и ценностных ориентациях); изменения в механизмах формирования личности; изменения в отношениях с внешней социальной средой (нарастание явлений аномии, индивидуализации социального бытия, эгоизации сознания личности); изменения в способах организации социального взаимодействия, самореализации, включения в социально-ориентированные виды деятельности.

Убедительные доказательства подобных изменений приводят исследователи, показывая реальные результаты «цифровой социализации» [15; 19; 20; 21; 22; 40]. Показателен взрывной рост количества социальных связей подростков, устанавливаемых в информационной среде не только со сверстниками и знакомыми им людьми, но и с большим количеством совершенно незнакомых людей – «виртуальных друзей». Понятно, что «погоня за лайками», желание получить как можно больше внешних одобрений, «лайков» невольно включает подростка в бесконечное «приобретение виртуальных дружб», которые носят абсолютно условный характер и никогда не станут реальными партнерами лично значимого общения. Но виртуальный друг и виртуальные дружбы для многих подростков служат важным индикатором «привлекательности», «успеха», «собственной значимости». Количество «лайков» становится условным показателем «успешности», за которым нет никаких реальных заслуг и достижений подростка. Это очень опасное, тревожное явление, которое размывает, обесценивает реальное понимание успешности личности, включает подростка в мнимую гонку за «лайками» вместо усердного и методичного «выделывания себя в человека». Кажущееся множество друзей, социальных связей, включенность в виртуальную жизнь других людей, реакция на появление на персональных страничках «сетевых друзей» новых доказательств «успешности» в виде фотографий, лайков, одобрений в виде «нравится» способны породить иллюзию реальной социальной успешности, внешнего благополучия, действительного социального статуса других людей и своего собственного. Если при этом подросток или юноша за всем этим декоративным фасадом не прилагает никаких собственных усилий для интеллектуального и духовного роста, для собственного саморазвития, для самореализации, то неизбежен застой, стагнация, духовная деградация, камуфлируемая декором внешнего благополучия и мнимого успеха.

Одним из опасных следствий подобной «цифровой социализации» оказывается размывание границ социально-одобряемого поведения и отношений, представлений о Добре и Зле, социальной успешности личности мнимой и реальной, о подлинной национальной истории и культуре. Информационная среда ориентирует подростка преимущественно на «универсальный» образ человека, «человека цивилизованного», живущего «в ногу со временем», а фактически порывающего с прошлым, с традицией, с архаикой в культуре, живущего новым, будущим, устремленного к достижениям

технического прогресса, к современным технологиям. Опасность такого отрыва от национальных корней, от культурных традиций состоит в утрате личностью своей этнокультурной идентичности, дистанцировании от норм и ценностей своей национальной культуры. Как показывают в своих публикациях Г.У. Солдатов и О.И. Теславская, вероятность значительного увеличения количества подростков и юношества, оказавшихся пленниками «цифровой социализации» и «ухода в сеть», стремительно растет [34]. Сегодня подросток, который не имеет своей странички в социальной сети, не вовлечен в виртуальное взаимодействие, не имеет большого числа подписчиков, – предмет издевок, остракизма, социального отвержения в среде сверстников. А это неизбежность глубоких психологических травм подростка, а в итоге – морального выбора: «быть таким, как все» или пытаться сохранить свою собственную индивидуальность, не поддаваясь всеобщему увлечению виртуальной реальностью, «жизнью в сети».

Любопытные примеры взаимодействия подростков и юношества в социальных сетях, восприятия и переработки сетевой информации, восприятия и понимания партнеров по сетевому взаимодействию приводят С.В. Молчанов, О.В. Алмазова, А.Е. Войскунский, Н.Н. Поскребышева [23]. В частности, исследователи приводят итоги опроса подростков, включенных в сетевые сообщества, меру учета респондентами традиционных социальных представлений, норм и ценностей в восприятии партнеров по общению, анализе и интерпретации информации, тиражируемой в социальных сетях. Среди наиболее типичных исходных установок в восприятии партнеров и информации в сети, которыми руководствуются подростки, оказались «вера в доброжелательность окружающего мира, его справедливость», «позитивность образа Я», «вера в удачу», «убежденность в контроле над своей жизнью», «власть авторитетов, боязнь наказаний», «ориентация на мнение других», «ориентация на себя и свои интересы» и др. [23, с. 10]. Конечно, на восприятие партнеров по общению и информации в сети во многом оказывает влияние прежний социальный опыт подростка, его социально-психологическая позиция (оптимиста, пессимиста, эго-центрированного пессимиста – по терминологии авторов), но в целом складывается ощущение несколько иллюзорного восприятия окружающего мира подростками, искаженного отражения социальной реальности «кривым зеркалом цифровой среды». И самое тревожное состоит в том, что в этом восприятии все меньше национально-типичного, характерного менталитета этноса, национального характера русского человека, все больше «общечеловеческого», «универсального»; все меньше предпосылок для объективной самооценки и все больше дезориентирующих, деструктивных влияний, порождающих «спутанную идентичность» личности, отход от традиционных норм морали Русского мира. По мнению психологов, «появившиеся благодаря социальным медиа новые способы самовыражения создают уникальную среду для развития идентичности и самораскрытия и позволяют “примерить” различные идентичности без обязательного закрепления их в реальном мире. Амбивалентная природа развития идентичности в условиях цифровой среды обнаруживается как в новых преимуществах, так и в новых рисках для подрастающих поколений: экспериментирование с новыми идентичностями онлайн может оказывать стимулирующее влияние, способствующее более глубокому познанию себя и самораскрытию, но также приводит к отчуждению и изоляции» [49, с. 75].

Исследователи отмечают, что отношения с информационной средой, присутствие в социальных сетях, общение с другими людьми в сетевых сообществах могут иметь разную мотивацию и разные результаты для подростков и старшеклассников. Среди детей мигрантов, этнических меньшинств вполне возможен акцент в самопрезентации на этнической принадлежности подростка, особенностях его

национальной культуры, религиозных традициях и народных обычаях, составляющих основу этнокультурной самоидентификации. Это вполне нормальное стремление подростка подчеркнуть свою этнокультурную принадлежность, показать отличия культуры своего народа от культуры этнического большинства. Важно, чтобы такая самопрезентация не оказалась причиной травли, отвержения подростка сверстниками, не стала фактором социального отчуждения и дискриминационного поведения в реальном социальном взаимодействии детей. «Глобализация, усилившееся взаимопроникновение культур, возрастающая поликультурность общества повышают актуальность изучения влияния социальных медиа на этнокультурную идентичность молодого поколения. Рассмотрение этнокультурных составляющих онлайн-идентичности подростков из разных этнических групп, развивающихся в разных социокультурных контекстах, поможет более полному и глубокому пониманию механизмов формирования этнокультурной идентичности в цифровом обществе, рисков ее деформации, а также угроз появления ксенофобии, расизма, межгрупповой неприязни и вражды в интернет-пространстве» [16, с. 883]. Психологи акцентируют внимание на необходимости изучения реального состояния этнокультурной идентичности подростков и молодежи, принадлежащих к «цифровому поколению», возможности реализации социализирующего потенциала социальных сетей в формировании этнокультурной идентичности подрастающего поколения, минимизации потенциальных негативных явлений и процессов, связанных с возникновением «спутанной идентичности», «негативной идентичности», негативизма в отношении к культурам и традициям «других» этносов [49, с. 82].

Цифровая социализация сегодня вторгается в сферу воспроизводства ментальных характеристик подрастающего поколения, воспроизводства национального самосознания народа [33]. Социальные сети, ресурсы Интернета становятся важными источниками социально-нравственных представлений подростков, опыта строительства отношений в социальной среде, обретения знаний о своей национальной истории и ее героях, традициях и нормах национальной культуры; информационная среда формирует весь спектр базовых поведенческих установок, транслируя универсальные нормы и ценности, образцы нормативного поведения и отношений. «Цифровое пространство, позволяя молодым пользователям создавать контент и обмениваться переживаниями, с психологической точки зрения выполняет две основные функции: установление и поддержание социальных отношений и управление идентичностью. Благодаря современным информационным технологиям дети, подростки и молодежь не только устанавливают особый тип отношений с другими людьми, но и познают себя, примеряют различные роли и творчески видоизменяют окружающий мир и самих себя. Две функции цифрового пространства неразрывно связаны между собой: участие в интерактивных компьютерных играх, общение в социальных сетях, присоединение к фанатским онлайн-культурам помогает подрастающим поколениям найти свое место в обществе, самоутвердиться, идентифицироваться как с глобальным сообществом, так и с локальными группами» [49, с. 78].

Вместе с наступлением «цифровой эпохи» претерпевают кардинальные изменения и многие привычные модели социального бытия людей, способы социальной коммуникации. По сути, речь идет о новых моделях социального поведения подрастающего поколения, адаптации подростков и юношества к новой социокультурной реальности. Размышляя об экзистенциальных рисках социального становления личности в условиях «цифровой эпохи», Л.В. Баева подчеркивает: «В этом пространстве личность трансформируется в виртуального героя, в образ, созданный для выхода в сеть, где он живет в чрезвычайно динамичной среде, требующей мобилизации не задействованных прежде сил и возможностей. Сфера электронной

культуры – своего рода “вторая жизнь”, аналог и продолжение реальности, в которой человек доинформационной эпохи искал решение своих экзистенциальных проблем: “бытия к смерти”, абсурдности, несвободы, одиночества. Современный человек, пребывающий в некоей “виртуальной сансаре” с множеством образов (аватаров), перерождений жизнью и смертей, и сам смещается в мир виртуальных симулякров. Мы становимся свидетелями нового феномена – виртуализации сознания, когда личность перестает ощущать себя реальной – физически и экзистенциально. Человек переносится в виртуальный мир, который остается конструкцией сознания и высоких технологий, но постепенно девальвирует ценности физически реального бытия» [2, с. 21]. По мнению Л.В. Баевой, «экзистенция человека, живущего в виртуальном пространстве, имеет существенные отличия от реальности: здесь он может жить и умирать многократно, по своему желанию присутствовать или отсутствовать в сети, задавать условия своего бытия, создавать собственную историю и цели. В определенном смысле условия электронной культуры позволяют находить *новые решения экзистенциальных проблем*» [Там же, с. 22]. Среди таких экзистенциальных проблем философ называет целый ряд наиболее важных с точки зрения результатов этнической социализации и обретения личностью этнокультурной идентичности векторов в строительстве отношений личности и информационной среды:

– «Бытие к смерти»: электронно-цифровая форма бытия становится еще одной версией присутствия в мире, продления существования до времени сохранения информации о субъекте. «Быть» для современного человека все чаще означает быть в сети, иметь свою страницу, сайт, блог и т.д. Таким образом, информационная реальность становится новым видом манифестации личности, а следовательно, преодолением ее конечности;

– «Заброшенность в мир» как невозможность выбора условий своего рождения и существования: в виртуальной сфере существование определяется самим субъектом, моделируется им, в этом заключена возможность самостоятельного выбора условий собственной экзистенции;

– «Трансценденция в мир»: виртуальное бытие обеспечивает возможность для выхода личности во внешний мир в небывалых ранее масштабах, когда можно обратиться к миллионной аудитории, быть услышанным и понятым другими виртуально-реальными участниками взаимодействия;

– «Я и Другой»: информационное обращение одной личности к другой оказывается реализованным в новых формах многосторонней рефлексии, когда эпистолярная форма общения и экзистенциальный дневник самоанализа (блог) становятся открытыми для многих;

– «Свобода»: электронная форма бытия личности позволяет обрести новый жизненный мир, моделируемый или выбираемый из множества вариантов. В нем человек волен «быть или не быть» (приходя в сеть и уходя из нее по своему желанию), сохранить или изменить себя (свой статус, имя и сущность), принимать или не принимать условия той или иной системы (игры или социальной сети), общаться или остаться в одиночестве, придерживаться правил и норм или преступать их [2].

По мнению Л.В. Баевой, «виртуальность в экзистенциальном плане привлекает тем, что человек чувствует здесь высшую свободу, «безграничные» возможности, недостижимые в мире, где действуют природные, социальные, этические ограничения» [2, с. 24]. При этом неизбежно возникает закономерный вопрос: не обладая реальностью, способствует ли виртуальное бытие решению действительных смысложизненных вопросов или лишь помогает скрыться от них за иллюзией свободы? Л.В. Баева отмечает: «По-видимому, электронная культура дает человеку не только иллюзии, но во многом способствует обретению им своей сущности, конструированию

собственного мира в условиях неудовлетворенности жизнью “здесь и теперь”. Но и в этой новой форме бытия каждый человек индивидуален в поиске решений, поскольку он может либо погрузиться в новый “Das man”, стать массой с заданными качествами, либо – творцом и обрести свободу управления информацией, временем, пространством» [2, с. 24].

Этническая социализация, обретение личностью этнокультурной идентичности сталкивается с целым рядом новых, неожиданных экзистенциальных вызовов, на которые пытается найти продуктивные ответы и решения современная теория и практика социального воспитания. Среди таких экзистенциальных вызовов Л.В. Баева называет следующие:

– *абсурдность отношений «виртуальный Я и виртуальный Другой»*. По сути, это новая постановка проблемы отношения к Другому, связанная с виртуализацией коммуникации, утратой ее эмоционально-личностного компонента, ответственности, искренности и т.п. В условиях виртуализации коммуникации взаимодействие превращается в игру, квазиреальность, где каждый осознает, что его партнер может быть кем угодно, даже машиной, что делает абсурдными честность, откровенность, доверие;

– *«утрата границы реальности»*. Это проблема, связанная с раздвоением сознания человека, живущего в двух мирах. При этом реальный мир становится все менее значимым, а виртуальный, ценность которого возрастает, продолжает оставаться симулякром, лишая тем самым человека «основания»;

– *«виртуальная объективация»*. Граница между индивидуальным и коллективным в условиях электронной культуры становится все менее прочной. Человек «омассовляется» в небывалых ранее масштабах, становится частью единого сетевого механизма, использующего свои «опции» по созданному модератором стандарту;

– *«свобода виртуального выбора»*. Срастание с виртуальным героем, техногизация человека имеют своим следствием многоальтернативные, плюралистические модели поведения, в которых моральные регуляторы заменяются анархией или инструкциями и правилами игры. Нравственный выбор предельно затрудняется и переносится из сферы внешней моральной оценки в сферу личной нравственной самооценки;

– *«одиночество в сети»* связано с утратой межличностного общения, уходом в интернет-пространство, где каждый существует наедине с техникой. Происходит отчуждение человека от привычных оснований – природы, семьи, школы, друзей, роль которых становится менее значимой. Личность превращается в биосоциовиртуальную «монаду».

– *«зависимость от виртуального взаимодействия»*. В условиях информационной среды человек обретает не только новые свободы, но и новые зависимости, аддикции, главная из которых – зависимость от самой электронной культуры, что выражается в стремлении постоянно присутствовать в сети, боязни реальности и межличностного общения, потере интереса к жизни [3, с. 27].

Л.В. Баева предупреждает о грядущих серьезных проблемах наследования ценностей нормативов культуры в условиях «цифровой эпохи», сложностях и противоречиях становления этнокультурной идентичности новых поколений молодежи. «Если книги, телевидение и игры еще не в полной мере потеряли свою значимость, то взаимодействие людей уже прочно переместилось в область электронной культуры – электронную почту, форумы и социальные сети. Виртуальное взаимодействие, с одной стороны, решает проблему одиночества человека, сближает его с другими пользователями, позволяет расширить опыт общения. С другой стороны, в реальности человек остается

одиноким. Утратив потребность дружить и любить, испытывая эти чувства лишь в своем воображении, он оказывается лишенным важнейших социальных оснований, что усиливает “экзистенциальный вакуум”, состояние “одиночества в сети”, стремление к бегству от реальности вплоть до эскапизма. В Японии для подобных “беглецов” было придумано название – “хикикомори”, то есть человек, уверенный в существовании глобального заговора с целью уничтожения именно его. Такие люди замыкаются в себе и всеми способами пытаются уйти от реальности, поддерживают с окружающими только виртуальные отношения посредством интернета. Распространение феномена “бегства от реальности” показывает, что современные технологические возможности не решают проблему межличностных отношений, но могут придать ей новые формы» [2, с. 25].

«Цифровая эпоха» создает множество проблем для процесса социализации детей и молодежи, их вхождения в социальную реальность, накопления опыта социальных отношений. Виртуальный мир превращает отношения между людьми фактически в такие же «виртуальные», лишенные реальных переживаний и ценности. «Виртуализацию сферы общения, социального взаимодействия, по-видимому, можно рассматривать в качестве зоны наибольшего риска в информационную эпоху, которая принципиально изменяет сложившиеся тысячелетиями формы передачи опыта, традиций, ценностей. Переход от личного общения к опосредованному информационными технологиями становится новым условием развития современного человека, который, с одной стороны, преодолевает возрастные, психологические или физиологические комплексы в общении, но, с другой, у него могут возникать не известные ранее фобии. Современные психологи выявили, например, номофобию (nomophobia) как боязнь непосредственных межличностных контактов, вызванную привычкой использовать компьютерную и мобильную связь» [Там же, с. 26]. Уход подростков и юношества в сеть, «жизнь в сети» становится реальной сферой бытия молодежи. Именно в виртуальном пространстве сегодня формируются важнейшие социальные представления юных граждан, их базовые поведенческие установки, закрепляется опыт восприятия и понимания другого человека, обретаются представления о себе самом и своих жизненных планах. Цифровая среда существенно меняет и такие важные для каждого человека, особенно актуальные в подростковом и юношеском возрасте, явления и состояния, как любовь и дружба, – меняет их содержание, личностный смысл, нравственную ценностно-смысловую основу отношений к другим людям, наиболее типичные формы проявления в реальных социальных отношениях. «Межличностная коммуникация все больше заменяется ее виртуальной имитацией, вытесняя в том числе и такие важнейшие сферы отношений, как любовь и дружба. Исследователи отмечают, что число романтических отношений в социальных сетях растет, и виртуальные связи (так называемая вторая жизнь) иногда способствуют подтверждению собственного статуса субъекта, помогают решить реальные проблемы общения. Однако в подавляющем большинстве случаев в виртуальной коммуникации развивается, скорее, не любовь, а ее симуляция, игра, флирт, любовь же как экзистенциальная человеческая потребность из жизни вытесняется. Симуляция любви способствует не только утрате экзистенциальных оснований человека, но и меняет нравственно-этические ориентиры, связанные с осознанием ценности Другого, сопереживанием, заботой, бескорыстностью. Человек оказывается живущим в двух мирах – реальном и виртуальном, и хотя реальная коммуникация продолжает оставаться значимой, формируется ценность виртуального Другого, взаимодействие с которым подчиняется своим правилам. Выход человека к Другому в этих условиях оказывается содержательно пустым, абсурдным, поскольку имеет место симуляция чувств, доверия, понимания, соучастия» [3, с. 29].

Безусловно, цифровая среда, информационные ресурсы существенно изменяют сложившиеся формы ретрансляции ценностей и норм культуры, их передачу входящему в жизнь поколению. Эти обстоятельства несколько не снижают роль грамотного психолого-педагогического сопровождения процесса этнической социализации детей и молодежи, формирования их этнокультурной идентичности. Очень важно обеспечить соблюдение каждым юным гражданином этического базиса традиционной культуры этноса, устойчивых норм и принципов строительства отношений между людьми. В этом процессе особенно важно уберечь подростков от проявлений агрессии, нетерпимости, раздражения; важно попытаться «вернуть» подростка из виртуального мира в мир реальных, человеческих отношений и чувств. «Интернет трансформирует традиционную культуру, в основе которой – многовековые нравственные императивы. Интернет-сублимация вытесняет из реальной жизни в виртуальную низменные страсти и побуждения, реализует невозможные в силу общественной цензуры формы агрессии, асоциального поведения. И если взрослыми пользователями виртуальная реальность осознается как иллюзорная, то детьми и подростками, живущими в сети, она нередко бессознательно воспринимается как норма» [2, с. 26]. В этом контексте особенно важна приверженность традиционной этике отношений между людьми, сложившимся нормам социального поведения. Виртуализация взаимодействия между людьми в информационной среде выхолащивает в растущем человеке человеческое, задает вектор имитации, подмены реальных чувств и переживаний их суррогатом. И самое тревожное – условность практически всех сложившихся этических норм, регулирующих отношения между людьми, выхолащивание всего этического базиса в строительстве человеческих отношений. Такой «этический плюрализм» в цифровую эпоху становится весьма опасен, ибо закрепляет в сознании подростка представление о том, что «у каждого – своя мораль», «сколько людей – столько и принципов». Разрушение традиционной морали неизбежно ведет к разрушению общества, к утрате всех регулятивов социального поведения и отношений между людьми. Правда, по мнению Л.В. Басовой, в будущем возможно появление «новой этики» – этики виртуальной сферы: «Исходя из оптимистического подхода, можно прогнозировать, что на смену плюрализму в виртуальной сфере придет своя этика, несмотря на то что интернет многими воспринимается как территория свободы от социальных обязательств и норм. Полагаю, что самоорганизация и формирование “порядка из хаоса” проявятся здесь в предписаниях, формировании этических норм, которые во многом будут аналогичными тем, что действуют в реальности. Например: не наноси с помощью информационных технологий вреда жизни, здоровью, свободе человека; не кради чужих идей, благ и средств в виртуальной сфере; не сквернословь, не оскорбляй виртуального партнера; не выноси в сеть ложную информацию, не выдавай недостоверное за истинное; сохраняй порядочность, даже если ты действуешь не под своим именем; отвечай на доброе отношение добром (не игнорируй), агрессию оставь без ответа и так далее» [Там же]. Сложно оставаться оптимистом и надеяться на то, что прежние нравственные императивы станут основой взаимодействия подростков в социальных сетях, в виртуальной среде – для этого должны быть типичными, массовыми примеры в реальной жизни, в повседневной действительности, в живых человеческих отношениях. Но таких примеров все меньше, все выше анонимность социального поведения, порождающая безответственность, снимающая с личности возможность получения негативных оценок и санкций со стороны общества за ненормативное поведение. Все более расплывчатыми и условными становятся границы социально одобряемого поведения. Именно по этой причине сегодня многие подростки ведут себя развязно, агрессивно, жестоко, вызываясь, открыто сквернословят, бросая вызов сложившимся нормам общественной морали. И это только начало в реализации представлений

подростков и юношества о «социальной свободе», сформированных Интернетом и социальными сетями.

Информационная среда, социальные сети становятся важным фактором социализации личности, интериоризации ценностей и нормативов культуры. С учетом невозможности «контролировать», «ограничивать», «дозировать» получаемую подростками информацию, влиять на ее интериоризацию и анализ результаты такой социализации становятся непредсказуемыми, непрогнозируемыми. Все социальное и нравственное развитие молодого поколения происходит стихийно, а в качестве некоего «итога» такой социализации выступает очень расплывчатое Я, содержание которого, его внутреннее наполнение носит случайный характер. Это в полной мере относится и к формируемой с помощью информационной среды идентичности юного гражданина – его идентичность во многом зависит от виртуальных партнеров по взаимодействию в информационной среде, значимых других, ценности и нормы которых подросток копирует и реализует в собственном поведении и отношениях. «Идентичность, формирующаяся в результате сетевого взаимодействия и других видов деятельности в Интернете, исследователи обозначают рядом сходных по смыслу концептов: "идентичность онлайн", "цифровая идентичность", "киберидентичность", "виртуальная идентичность", "Я виртуальное", "квантовое Я", "цифровое гражданство", "цифровой индивид", "цифровой субъект"» [49, с. 80].

Исследования показывают значительный рост включенности подростков и юношества в информационную среду, в сетевые сообщества, в виртуальное взаимодействие. Результаты такой включенности сложно не только прогнозировать, но и оценивать – практически все сетевые сообщества носят закрытый характер и «не прозрачны» для посторонних. Взрослые не могут проникнуть в этот мир, проконтролировать его, наполнить «нужными» смыслами и содержанием – почти все зависит от того социально-нравственного и этнокультурного багажа, с которым подросток включается в «жизнь в сети». При этом большинство подростков стремится максимально увеличить количество своих виртуальных друзей, подписчиков, лайков, усматривая в этом предпосылки для роста самооценки, своего статуса в глазах сверстников, правильность собственных суждений и оценок. Исследования Г.У. Солдатовой и О.И. Теславской показывают, что «количество социальных связей онлайн у школьников превышает нижнюю границу диапазона Данбара, сравниваясь с аналогичными показателями у взрослых. Расширение виртуального круга общения происходит как за счет реальных друзей и знакомых, так и незнакомых ребенку в обычной жизни виртуальных друзей, что ставит вопрос о качестве данных отношений. Виртуальные друзья выступают в роли «случайных попутчиков», поскольку с их помощью школьники удовлетворяют потребности в близком общении, вплоть до интимного. Это происходит даже несмотря на осознание самими детьми недостатков общения онлайн по сравнению с офлайн-отношениями. Феномен виртуального друга, таким образом, занимает одно из ключевых мест в системе межличностных отношений современного подростка и, безусловно, требует дальнейшего изучения» [34].

Цифровая среда позволяет подростку существенно расширить круг общения, найти в виртуальном пространстве потенциальных партнеров, вести с ними диалог, обмениваться оценочными суждениями, получать советы, находить ответы на волнующие подростков «вопросы жизни». При этом «количество межличностных связей далеко не всегда означает их качество, а дружба в жизни и в виртуальной среде неравнозначны» [34, с. 14]. При этом Г.У. Солдатова и О.И. Теславская приводят основные содержательные характеристики виртуального общения подростков, наиболее обсуждаемые с виртуальными друзьями темы. Как показывают результаты

исследований названных авторов, этнокультурная проблематика мало интересует подростков и не является доминирующей в виртуальном взаимодействии. Доминантой обсуждаемых подростками проблем являются сложности в строительстве межличностных отношений, ситуации в семье, в отношениях со сверстниками, с родителями и учителями, новинки кино и музыки, увлечения и досуг, видение собственного будущего, способы его достижения [34, с. 17].

Исследователи констатируют нарастание сложностей и в межпоколенческих отношениях, в отношениях родителей и детей. Эти сложности усиливаются явным «отставанием» родителей в освоении возможностей информационной среды, постижении всех тонкостей и языка виртуального взаимодействия. Г.У. Солдатова и О.И. Теславская констатируют: «...семья зачастую вообще остается “за границей” ближайшего круга общения ребенка. Во многом это обуславливается тем, что доверие подростков к родителям в виртуальном пространстве крайне низкое. Согласно данным всероссийского исследования, проведенного Фондом развития Интернета, подавляющее большинство родителей (92%) не могут помочь детям при решении всех проблем в Интернете. Практически половина (46%) чувствуют себя неуверенными интернет-пользователями, треть родителей вообще не знает о том, что у его ребенка в виртуальной среде есть какие-либо сложности, а каждый пятый (20%) научился пользоваться Интернетом только благодаря своим детям. Поэтому более половины детей считают помощь родителей при решении своих проблем в Сети бесполезной. Учитывая сверхвысокую значимость виртуальной сферы общения в жизни современных подростков, можно предположить, что родители, теряя авторитет при решении затруднительных ситуаций в он-лайн-среде, в определенной мере теряют доверие в глазах ребенка и при решении проблем реальных. Подростки начинают воспринимать их беспомощными, неспособными стать не только наставниками своему ребенку, но даже просто друзьями, в которых он так нуждается и поэтому ищет их на просторах Интернета» [34, с. 20]. На этом фоне резко меняется отношение подростков к культуре и ценностям своего этноса, родители перестают быть авторитетными субъектами в ценностно-смысловом самоопределении своих детей, в формировании своей этнокультурной идентичности. Заметно растет количество напряженности в отношениях с родителями, неприязнь к нормам и ценностям поколения «предков» – они кажутся подросткам «ретроградами», «осколками старого мира», «ничего не понимающими в жизни», «носителями старых представлений о жизни». А вот новые друзья из Сети – яркие, привлекательные, современные – воспринимаются подростками как вполне «передовые», «продвинутые», «прогрессивные». С ними интересно, с ними подросток говорит на общем для них «языке», пользуясь простой и понятной для подростковой среды лексикой. В Сети подростки находят примеры молодежной моды, равняясь на которые выстраивают свой собственный образ, стремясь соответствовать «канонам» и трендам в дизайне современной молодежной одежды, прически, стилистики поведения. Такое «соответствие» представляется подросткам проявлением взрослости, успешности, способности человека «выглядеть современным». При этом их мало заботит отличие в понятиях «быть» и «казаться» – взрослость им представляется преимущественно через внешние проявления, через «выглядеть», через внешний облик, который в реальности не так важен, как социальная, нравственная зрелость личности, способность быть субъектом своего социального бытия.

Конечно, классические представления о процессах социализации, о механизмах культурной трансмиссии, формирования этнокультурной идентичности подростков и юношества сегодня нуждаются в адаптации к новым реалиям современного мира, к обстоятельствам «цифровой эпохи» и их возможностям в сопровождении процесса социально-нравственного развития молодежи. В этом процессе важно видеть не только

риски и опасности, но и новые возможности для развития человека, его интеллектуального и духовного роста, для удовлетворения его потребностей и интересов. «Сегодняшние подростки, вооружившись электронными устройствами, практически самостоятельно осваивают новый образ жизни. Их значительная часть живет в мире смешанной офлайн/онлайн-реальности, в виртуальных мирах компьютерных игр, в мире дополненной реальности с элементами искусственного интеллекта и компьютерным (“окружающим”) разумом, диалог с которым становится одной из норм онлайн-коммуникации. Особая уникальность этого поколения заключается в том, что традиционные формы социализации все чаще соседствуют, вытесняются, а иногда замещаются новыми формами приобретения необходимых знаний и навыков – цифровой социализацией» [32, с. 75].

Г.У. Солдатова называет целый ряд особенностей цифровой социализации современного поколения подростков:

– массовое и все более раннее овладение высокотехнологичным арсеналом новых культурных средств и инструментов – персонализированных и мобильных современных электронных устройств;

– увеличивающаяся длительность нахождения ребенка в онлайн-контекстах, задающих новые, плохо регламентированные и пока еще неизвестные по возможным последствиям влияния на ребенка среды обитания;

– активное, самостоятельное и стихийное освоение и использование подростками всех доступных онлайн-ресурсов как источников развивающего, обучающего и развлекательного контента и площадок онлайн-коммуникации;

– закрепление за социальными сетями статуса важнейших для подростков площадок самопрезентации, освоения различных социальных ролей, экспериментирования с идентичностью и самореализации;

– значительное расширение круга социального капитала подростков за счет онлайн-контактов, в том числе слабых связей за счет «незнакомых друзей», с которыми не было опыта общения в реальной жизни;

– столкновение с широким кругом новых рисков онлайн-среды: контентными, коммуникационными, техническими и потребительскими, а также с риском чрезмерной увлеченности Интернетом;

– существенная разница в пространственно-временной конфигурации пользования Интернетом у подростков и их родителей;

– наличие цифрового разрыва между поколениями детей и родителей, снижение универсальности фигуры взрослого и его роли в детско-родительских отношениях;

– недостаточная цифровая компетентность детей и родителей, что не позволяет родителям выступать в роли экспертов эффективного и безопасного использования цифровых технологий;

– несоответствие системы образования изменениям цифрового общества, несмотря на готовность школьных учителей молодого и среднего возраста (поколения Y и X) к модернизации образовательного процесса [32, с. 73–74].

«Цифровая социализация» несет высокую степень неопределенности в понимании ее содержания и результатов, их неочевидность для будущих поколений граждан России. Высокая степень включенности детей и молодежи в «жизнь в сети» еще не является основанием для алармистских заявлений и пессимистического взгляда на результаты социализации, формирование этнокультурной идентичности современных подростков и юношества. При всех издержках информационной среды, всех рисках и опасностях, таящихся в ней, в подростках пробуждается явный интерес к своим собственным этническим корням, к истокам своей национальной культуры, к традициям и духовному опыту своего этноса, к своей национальной истории. Важно

не потерять контактов с подростками и молодежью, сохранить точки взаимодействия с ними, помочь им обрести себя в сложной и динамичной социокультурной реальности. Невозможно остановить научно-технический прогресс, повернуть вспять развитие человеческой цивилизации – «технофобы» и «технофилы» неизбежно будут по-разному видеть и оценивать будущее. Но в этой бесконечной борьбе старого и нового, прошлого и будущего важно сохранить и передать подрастающему поколению важнейшие достижения человеческой цивилизации – веру в Человека, бесконечную любовь к Человеку, ценности человеческой культуры.

Библиографический список

1. *Ананьев, Б. Г.* О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 272 с.
2. *Баева, Л. В.* Экзистенциальные риски информационной эпохи / Л. В. Баева // Информационное общество. – 2013. – № 3. – С. 18–27.
3. *Баева, Л. В.* «Бытие-в-мире» электронной культуры: монография / Л. В. Баева, Н. А. Касавина, Т. Д. Лопатинская, Е. В. Федюлина. – Санкт-Петербург: Реноме, 2020. – 192 с.
4. *Булатников, И. Е.* Деструкция морального сознания современного российского общества как проблема теории и практики социального воспитания молодежи / И. Е. Булатников // Вестник Костромского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 146–152.
5. *Булатников, И. Е.* Личность. Мораль. Воспитание: Проблемы социально-нравственного становления личности в условиях глобализации культуры: избранные труды: в 2 томах. Том 1 / И. Е. Булатников. – Курск: ВИП, 2017. – 392 с.
6. *Булатников, И. Е.* Проблемы и опыт развития ответственного отношения будущих специалистов-транспортников к профессиональной деятельности: что может воспитание? / И. Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2010. – № 14. – С. 146–159.
7. *Булатников, И. Е.* Проблемы формирования ответственного отношения студентов ССУЗов к профессиональной деятельности в массовой практике социального воспитания: тревожные тенденции и векторы надежды / И. Е. Булатников // Психолого-педагог. поиск. – 2010. – № 16. – С. 119–132.
8. *Булатников, И. Е.* Социально-нравственное воспитание студенчества в контексте формирования представлений молодежи о социальной свободе и ответственности личности / И. Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2011. – № 1 (17). – С. 79–90.
9. *Булатников, И. Е.* Социально-нравственное развитие молодежи в условиях деструкции общественной морали / И. Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2012. – №3 (23). – С. 60–72.
10. *Булатников, И. Е.* Философско-педагогическое наследие Б.З. Вульфова и реалии современного российского образования: векторы деструкции социальности молодёжи / И. Е. Булатников // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2022. – № 1 (52). – С. 185–200.
11. *Булатников, И. Е.* Этические основания социально-педагогической концепции В. А. Сухомлинского в диалоге эпох и общественных отношений / И. Е. Булатников // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – № 3 (27). – С. 86–100.
12. *Булатников, И. Е.* Этические основы русского образования в зеркале национальной истории и культуры: перечитывая наследие К. Д. Ушинского / И. Е. Булатников // Известия Российской академии образования. – 2014. – №3. – С. 14–34.

13. Булатников, И. Е. Развитие системы нравственных ценностей молодежи в условиях кризиса культуры: диалектика вечного и временного / И. Е. Булатников, И. Ф. Исаев // Психолого-педагогический поиск. – 2012. – № 24. – С. 23–35.

14. Вакку, Г. В. «Всемирная глобальная деревня» Маклюэна как коммуникационная доминанта современного медиапроцесса / Г. В. Вакку, А. О. Федоров // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2023. – № 1(40). – Том 1. – С. 125–131.

15. Гавриченко, О. В. Культура как образующая идентичности / О. В. Гавриченко, Т. Д. Марцинковская // Психологические исследования. – 2017. – Том 10. – №54. – С. 11.

16. Зинченко, Ю. П. Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности детей и подростков в цифровом обществе / Ю.П. Зинченко, Л. А. Шайгерова, Р. С. Шилко // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2019. – С. 875–884.

17. Иноземцев, В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире / В. Л. Иноземцев // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 31–44.

18. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; перевод с английского В.Г. Николаева. – Москва: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. – 462 с.

19. Марцинковская, Т. Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве [Электронный ресурс] / Т. Д. Марцинковская // Психологические исследования. – 2012. – Том 5. – №26. – С. 7.

20. Марцинковская, Т. Д. Психология идентичности в современном смешанном пространстве / Т. Д. Марцинковская // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: коллективная монография / под редакцией Т. Д. Марцинковской и др. – Москва, 2019. – С. 65–72.

21. Марцинковская, Т. Д. Проблема позитивной социализации в современном мультикультурном мире / Т. Д. Марцинковская, Е. А. Киселева // Психологический журнал. – 2018. – Том 39. – №3. – С. 79–89.

22. Марцинковская, Т. Д. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение / Т. Д. Марцинковская, Н. С. Полева // Мир психологии. – 2017. – №1(89). – С. 24–37.

23. Молчанов, С. В. Роль личностных особенностей подростков в переработке социальной информации в интернет-коммуникации / С. В. Молчанов, О. В. Алмазова, А. Е. Войскунский, Н. Н. Поскребышева // Национальный психологический журнал. – 2018. – №4 (32). – С. 3–15.

24. Оленев, В. И. Катаклизмы "глобальной деревни" / В. И. Оленев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 6. – Часть 1. – С. 147–151.

25. Пашков, С. В. Героические страницы национальной истории России в системе средств формирования духовно-нравственной культуры подростков и юношества / С. В. Пашков // Берегиня. 777. Сова. – 2023. – № 1–2 (56–57). – С. 66–82.

26. Пашков, С. В. Духовная парадигма и нравственный выбор русского человека в контексте глобализации современного мира / С. В. Пашков // Берегиня. 777. Сова. – 2021. – № 4 (51). – С. 180–192.

27. Пашков, С. В. Духовно-нравственное развитие личности в современном мире как противостояние добра и зла: миссия институтов образования / С. В. Пашков // Берегиня. 777. Сова. – 2022. – № 2–3 (53–54). – С. 85–94.

28. Пашков, С. В. Духовно-нравственные ценности этноса как основа жизненного самоопределения личности в современном мире / С. В. Пашков // Современные тенденции

развития этнопедагогике в образовательном пространстве мира. – Чебоксары: ЧГПУ, 2022. – С. 245–254.

29. *Пашков, С. В.* Милосердие как социально-психологическая характеристика нравственного развития личности: механизмы формирования в условиях глобализации культуры / С. В. Пашков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. – 2021. – № 4 (60). – С. 793–806.

30. *Солдатова Г.В.* «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей / Г. В. Солдатова, Г. В. Рассказова // Психологический журнал. – 2016. – № 6. – С. 83–93.

31. *Солдатова Г.В.* Цифровое поколение: цифровой образ жизни и новая социальная ситуация развития / Г. В. Солдатова, Г. В. Рассказова, Т. А. Нестик. – Москва: Смысл, 2020. – 375 с.

32. *Солдатова, Г. У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г. У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – Том 9. – №3. – С. 73–74.

33. *Солдатова, Г. У.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г. У. Солдатова, А. Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Том 18. – № 3. – С. 431–450.

34. *Солдатова, Г. У.* Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях / Г. У. Солдатова, О. И. Теславская // Национальный психологический журнал. – 2018. – №3(31). – С. 12–22.

35. *Сухоруков, И. С.* Информационная среда в системе факторов формирования этнокультурной идентичности подростков / И. С. Сухоруков // Ученые записки. Электронный журнал Курского гос. ун-та. – 2021. – № 4 (60). – С. 322–334.

36. *Сухоруков, И. С.* Подросток между традициями национальной культуры и реалиями информационной эпохи: риски и противоречия формирования этнокультурной идентичности личности / И. С. Сухоруков // Берегиня. 777. Сова. – 2022. – № 4 (55). – С. 184–198.

37. *Сухоруков, И. С.* Этнокультурная идентичность и дифференциация "своих" и "чужих" в подростковой среде: особенности этнической социализации подростков в условиях глобализации культуры / И. С. Сухоруков // Берегиня. 777. Сова. – 2021. – № 4 (51). – С. 193–210.

38. *Сухоруков, И. С.* Этнокультурная идентичность как основа формирования жизненной стратегии подростка / И. С. Сухоруков // Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст: сборник статей. – Кострома: КГУ, 2021. – С. 92–98.

39. *Сухоруков, И. С.* Этнокультурная идентичность личности подростка в контексте культурно-исторического подхода в социальной психологии / И. С. Сухоруков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 4 (60). – С. 723–734.

40. Теоретико-методические основания экзистенциальной педагогики: коллективная монография: в 2 томах. Том 1 / под научной редакцией М. И. Рожкова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. – 295 с.

41. *Тишков, В. А.* Единство в многообразии / В. А. Тишков. – Оренбург: Изд-во ОГАУ, 2011. – 232 с.

42. *Тишков, В. А.* Нация наций: о подходах к пониманию России / В. А. Тишков. – Москва: ИЭА РАН, 2023. – 69 с.

43. *Тишков, В. А.* Российский народ: История и смысл национального самосознания / В. А. Тишков // Тишков, В. А. Избранные труды: в 5 томах. Том 4. – Москва: Наука, 2021. – 631 с.

44. *Тишков, В. А.* Российский народ: пространство и культура / В. А. Тишков. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2018. 32 с.

45. *Тишков, В. А.* Этнология и политика / В. А. Тишков // Тишков, В. А. Избранные труды: в 5 т. Том 5. – Москва: Наука, 2021. – 639 с.

46. *Фельдштейн, Д. И.* Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого-педагогические проблемы новой школы / Д. И. Фельдштейн // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 2 (4). – С. 6–11.

47. *Фельдштейн, Д. И.* Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века / Д. И. Фельдштейн // Известия РАО. – 2013. – № 1 (25). – С. 5–28.

48. *Фурсов, А.* Наше «время Босха» / А. Фурсов. – Москва: Наше Завтра, 2023. – 384 с.

49. *Шайгерова, Л. А.* Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа / Л. А. Шайгерова, Р. С. Шилко, О. В. Ваханцева // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2022. – № 2. – С. 73–107.

50. *Эриксон, Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва, 1996. – 344 с.

51. *Valkenburg, P.M., & Peter, J.* (2008). Adolescents' identity experiments on the internet: Consequences for social competence and self-concept unity // *Communication Research*. – 2008. – N35(2). – P. 208–231.